

Дулов А.Н.

ОККУПАЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГЛАЗАМИ ПОДПОЛЬЩИЦЫ: ВОСПОМИНАНИЯ АННЫ КИТАШЕВОЙ

Многие аспекты истории Беларуси периода нацистской оккупации 1941–1944 гг. подробно исследованы в отечественной историографии, однако остается недостаточно изученной проблема оккупационной повседневности. Интерес к данной теме возник относительно недавно, и, представляется, это направление в белорусской исторической науке имеет серьезные перспективы.

Особую значимость в изучении истории повседневности имеют источники личного происхождения. Причем историк имеет возможность использовать информационный потенциал как источников, впервые вводимых в научный оборот (в частности, применив метод интервью), так и предлагать новое прочтение уже известных источников. В ряду последних воспоминания витебской подпольщицы и партизанской связной Анны Степановны Киташевой, фактическая сторона которых была использована в работах исследователя витебского подполья Н.И. Дорофеенко [3, с. 96–97], а также при создании экспозиции «Памяти патриотов Витебщины» Витебского областного краеведческого музея. Цель работы: раскрыть информационный потенциал воспоминаний А.С. Киташевой как источника о повседневной жизни людей в условиях нацистской оккупации.

А.С. Киташева родилась в 1923 г. в деревне Кривое Село (ныне – Шумилинский район Витебской области). Накануне Великой Отечественной войны Анна закончила фельдшерско-акушерское училище в Витебске. На окраине города – в Клиническом поселке на улице 8-й Клинической, – уже жила семья. Летом 1941 г. девушка попросилась на фронт, но в военкомате сказали: «Ждите повестку». Сидеть без дела комсомолка не могла и вместе с соседом Александром Борботченко стала оказывать помощь раненым красноармейцам [1; 4, с. 1].

Оставшись в оккупированном Витебске, Анна включилась в подпольную борьбу, выполняя задания армейской группы П.С. Буткевича по сбору разведанных, распространению листовок, провозу в город взрывчатки. Позднее через Буткевича состоялось знакомство с начальником разведки партизанской бригады «Алексея» И. Волковым. А.С. Киташева и её соратница К.Н. Цихош стали связными между подпольной группой Т.А. Ломоносенко и партизанами [1; 2; 4, с. 3]. В начале декабря 1942 г. Анна была арестована местной вспомогательной полицией по доносу предательницы. Подпольщице пришлось пережить ужасы тюрьмы СД и концлагеря «Гранки» на Смоленщине (Руднянский район). Однако случилось чудо, и девушка оказалась на свободе. Попав в расположение партизан, заболела тифом, была отправлена в деревню к отцу, откуда взята гитлеровцами на рытье окопов. Освобождена Красной Армией [2].

По возвращении в Витебск в августе 1944 г. Анна оказалась в госпитале, где три месяца лечилась от туберкулеза. После лечения по направлению райкома комсомола пришла на работу пионервожатой в школу № 13. Поступила в пединститут. Но осенью 1945 г. была задержана по обвинению в связях с немецкой контрразведкой. Следователю не давал покоя факт, что Анне удалось вырваться из СД и концлагеря живой. Подпольщица рассказала ему, с кем была связана в подполье и партизанах, просила опросить людей, но этого сделано не было. Однажды во время допроса доведенная до отчаяния девушка, по её воспоминаниям, даже запустила в следователя чернильницей. Спасла счастливая случайность: новый следователь оказался бывшим партизаном бригады «Алексея» и хорошо знал Анну. Дело было прекращено, обвинения сняты [4, с. 3].

А.С. Киташева на протяжении трех лет работала в газете «Віцебскі рабочы». Но тогдашний редактор однажды вызвал Анну Степановну и предложил написать заявление об увольнении по собственному желанию, сославшись на то, что в ее биографии «не все в порядке». С 1948 г. А.С. Киташева трудилась в Витебской городской санэпидемстанции, с 1954 г. – санэпидемстанции Витебского отделения Белорусской железной дороги. Была награждена орденом Великой Отечественной войны II степени, десятью медалями, отмечена званием «Отличный работник Белорусской железной дороги» [4, с. 3]. Стала депутатом Первомайского райсовета. Часто встречалась с молодежью, рассказывая о пережитом.

Сохранились воспоминания, написанные А.С. Киташевой по просьбе Н.И. Дорофеенко. По словам Нины Ивановны, с А.С. Киташевой они были знакомы с 1950-х гг. Тогда, работая в комиссии обкома КПБ по изучению и признанию витебского подполья, а также над кандидатской диссертацией, Н.И. Дорофеенко собирала воспоминания подпольщиков. Когда выяснилось, что

Киташева попала в тюрьму СД накануне даты расстрела подпольщицы В.З. Хоружей, Нина Ивановна попросила Анну Степановну вспомнить соседней по камере. И услышала, в том числе, описание женщин, похожих на В.З. Хоружую и С.С. Панкову. Тогда она попросила А.С. Киташеву описать все на бумаге. Так свидетельство А.С. Киташевой помогло узнать о последних днях жизни легендарной подпольщицы.

Рукопись воспоминаний представляет собой две тетради. Более ранний текст датирован 4 января 1967 г. [2]. Он посвящен обстоятельствам ареста Анны Степановны полицаями, её нахождению в тюрьме СД и концлагере «Гранки» в 1942–1943 гг. Этот текст объемом в 30 листов был написан первым по просьбе Н.И. Дорофеенко. Тетрадь с воспоминаниями хранилась в личном архиве Нины Ивановны. Историк считала своим долгом передать оригинал воспоминаний детям Героя Советского Союза В.З. Хоружей. 29 июня 2013 г., когда по приглашению Витебского отделения Белорусского фонда мира в городе находилась дочь Веры Захаровны Анна Сергеевна Шляпникова, состоялась их встреча с Н.И. Дорофеенко, которая и передала тетрадь. С оригинала были сделаны копии, одна из которых была передана Ниной Ивановной автору.

Вторая тетрадь хранится в архиве Н.И. Дорофеенко, ушедшей из жизни в марте 2015 г. Текст изложен на 20 листах фиолетовыми чернилами. Он содержит рассказ о начале войны, а также об участии А.С. Киташевой в Сопротивлении [1]. Поскольку речь идет о более ранних событиях, Ниной Ивановной тетради были пронумерованы по хронологии как 1-я и 2-я. Листы в тетрадях не имеют нумерации. После текста указана дата его написания и присутствует подпись мемуаристки. На тетрадях есть надписи, сделанные рукой Нины Ивановны. В частности, на обложке рукописи от 20 февраля красной шариковой ручкой написано: «Воспоминания Киташевой», синей дополнено: «(о подполье)», ниже черной помечено: «№ 1 – до ареста». Также имеется надпись печатными буквами синим стержнем «ОСТОРОЖНО!», а также карандашом: «О Кульбеевой». Внутри есть пометка о наличии продолжения в другой тетради. Тетрадь от 4 января подписана на обложке Н.И. Дорофеенко: «Воспоминания Киташевой А.С. партизанской разведчицы (тетрадь № 2)». Очевидно, позже прибавлено «Тут же об “учительнице”, это о Хоружей» [2].

Существует запись воспоминаний А.С. Киташевой, осуществленная журналистом и краеведом А.М. Подлипским, которая была опубликована в областной газете «Народное слово» в мае 1994 г. [4]. Этот вариант, кроме сведений о военном периоде, содержит рассказ о послевоенной судьбе героини. В то же время, поскольку запись осуществлялась спустя столетия после событий, а журналист, видимо, был ограничен размером газетной полосы, многие детали оккупационной повседневности в этом варианте отражения не нашли. Мы будем опираться на рукопись воспоминаний.

Мемуаристке было нелегко вспоминать о периоде войны. В начале рукописи от 4 января 1967 г. Анна Степановна поделилась своими чувствами: «Тяжело мне вспоминать все пережитое и спустя 20 с лишним лет, все подробно и ясно представлять, когда в то время не думая о жизни, представлял себя мертвым, где было все интересное не интересным и безразличным. <...> Те дикие зверства, издевательство, истезания, вот что только осталось в моей памяти и глазах» [2] (текст воспоминаний цитируется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала – А.Д.). Эту же мысль Анна Степановна высказывает и в заключении текста от 20 февраля 1967 г.: «Простите больше не могу писать и вспоминать» [1]. Таким образом, написание воспоминаний было для А.С. Киташевой психологическим стрессом. Эмоциональное состояние мемуаристки отразилось на стилистике и грамотности текста. Но Анна Степановна воспринимала написание воспоминаний как моральный долг перед соратниками.

На наш взгляд, описывая события военных лет, А.С. Киташева была достаточно откровенна. Н.И. Дорофеенко вспоминала, что с Анной Степановной у них сложились теплые, доверительные отношения. Женщин сближал возраст и опыт антифашистской борьбы, жизненные ценности. К тому же, записи не предназначались для публикации. Эти факторы ограничивали влияние самоцензуры. В воспоминаниях А.С. Киташевой нашли отражение реалии: 1) обыденной жизни и стратегий выживания и приспособления населения в условиях оккупации; 2) жизни и борьбы участников Сопротивления; 3) существования узников в нацистской тюрьме и концлагере.

Поскольку задачей, поставленной перед автором воспоминаний, был рассказ о подпольной борьбе и подпольщиках, реалии жизни людей в условиях оккупированного Витебска отразились лишь в отдельных деталях. Так в тексте от 20 февраля А.С. Киташева описала начало ок-

купации и стратегии поведения горожан: часть людей пыталась самостоятельно эвакуироваться на восток или догнать отступающие подразделения Красной Армии. Многие, как семья А.С. Киташевой, искали прибежища в сельской местности. Выразительно переданы переживания Анны в это время. После некоторой растерянности и колебаний, она вернулась в город: «Мне вначале казалось, что наши быстро вернуться и не будут знать, где меня найти. Ведь я военнообязанная, причем оставлена до особого вызова. Я со страхом и слезами вернулась в Витебск» [1]. После неудавшейся попытки вместе с А. Борботченко добраться в расположение частей Красной Армии (молодые люди дошли до Лиозно), они возвратились домой. Александр с родителями уехал в родную деревню. Анна пишет: «Я плакала день и ночь, но была твердой уверенности, что наши придут, наши победят. Так я со всеми спорила, так я уверяла себя» [1].

Вскоре состоялось знакомство с Ксенией Никифоровной Цихош, женой офицера Красной Армии, оставшейся без крова в результате бомбежки. Почувствовав, что Ксения Никифоровна разделяет ее взгляды и убеждения, Анна пригласила ту жить в своем доме. «Жизнь наша была очень тяжелой. Кушать нам не было чего, в наймы к врагам не хотели идти, считали что это предательство» [1]. Чтобы прокормиться, Анна с Ксенией Никифоровной вынуждены были ходить по хатам в сельской местности, менять предметы одежды на картофель, очистки, хлеб. Копали на полях мерзлую картошку, собирали ягоды, грибы, щавель, горох, клевер. И ожидали возвращения Красной Армии. Новости же не радовали: начались расстрелы, появились виселицы. Выход из города контролировался. В людных местах проходили облавы. В домах людей в Клиническом поселке ставили на постой немецких солдат. Позднее, вернувшись из лагеря, Анна столкнется с тем, что в ее доме уже живут другие люди. Подобное перераспределение жилого фонда широко практиковалось оккупационными властями.

Отразилось в воспоминаниях А.С. Киташевой и такое явление как коллаборационизм, причем в тексте идет речь о людях, которые по разным причинам пошли на сотрудничество с нацистами. В прошлом передовая работница и коммунистка К. донесла в полицию о связи Анны с партизанами, видимо, преследуя некие корыстные цели. Начальник местной полиции Туровский, психологический портрет которого можно восстановить по деталям поведения, – типичный приспособленец, готовый служить любой власти, садист, издевающийся над соотечественниками, и лизоблюд, кланяющийся немецкому офицеру. Одной из причин предательства бывшего преподавателя пединститута С., ставшего следователем полиции, очевидно, стало то, что вся его семья в конце 1930-х гг. подверглась репрессиям. Молодая красивая девушка, которая сожительствовала с комендантами концлагеря «Гранки», таким образом, вероятно, стремилась выжить, но ее поведение вызывало у узниц злость и отвращение [2].

Ключевое внимание в рукописи от 20 февраля уделено подпольной борьбе. Автор достаточно откровенно передает свои чувства и эмоции. Постоянное психологическое напряжение, риск, преодоление физических трудностей и страха, необходимость проявлять изобретательность и находчивость, чувство локтя и солидарность простых советских людей – вот черты повседневности подпольщиков. «Вся территория начиная Суража, Лиозно, Колышки исхожена нашими ногами разведчиков и связных, а все это нужно было пройти проселочными дорогами и ночью, и днем, и в пургу, и в мороз, лишьбы благополучно пройти не замеченными» [1]. Приходилось много ходить и по городу, подвергаясь риску.

Анна Степановна отмечала, как важно для них было, несмотря ни на что, выполнить задание. Приходилось не только рисковать, но и проявлять смекалку. В этом плане показательны два случая. Первый – когда А.С. Киташевой удалось раздобыть и переправить в бригаду медикаменты. Узнав о главвраче больницы Н.И. Черткове как надежном человеке, подпольщица пришла прямо к нему домой в обеденный перерыв и попросила лекарства и перевязочные материалы. У нее самой при этом дрожали ноги. Нестор Иванович с женой растерялись, ведь появление незнакомого человека с такой просьбой было похоже на провокацию. Тем не менее, врач согласился помочь и попросил прийти завтра. «Назавтра, для меня было еще страшнейшее испытание, но они чувствовали, видимо, также». Наполнив большую корзину Анны лекарствами, бинтами, ватой, йодом, врач с супругой для маскировки насыпали туда картофеля, возможно, последнего, что у них был. Чтобы переправить медикаменты из города, пригодилась подправленная справка о воспалении легких, которая была выдана много лет назад матери Анны, и актерские способности К.Н. Цихош. Запрятав на санках груз в сено, и положив Ксению Никифоровну под видом больной, подпольщицам удалось преодолеть немецкий пост, напугав сол-

дат «тыфусом» [1]. Второй случай – когда с целью распространения листовок среди «власовцев» подпольщицы решили собрать ягод и пойти продавать их к части, которая находилась в военном городке на ул. Фрунзе, сделав кульки не только из газет и бумаги, но и из листовок. Только назавтра гитлеровцы спохватились, задержав всех женщин с ягодами. Таким образом, решительность и находчивость подпольщиц спасали их от провала [1].

В рукописи от 4 января подробно описан опыт узницы тюрьмы СД и концлагеря. Выдающийся австрийский психолог и психотерапевт Виктор Франкл, сам прошедший через нацистские концлагеря и описавший свой опыт заключенного, выделил три фазы в психологических реакциях узников: прибытия в лагерь; пребывания в нем; освобождения [5, с. 20]. Эти фазы прослеживаются и на основе воспоминаний А.С. Киташевой.

Хотя Анна предчувствовала свой арест и была готова к нему морально, мужественно перенесла побои и допросы, попадание в застенки СД вызвало у нее естественную психологическую реакцию – шок. Сначала девушку бросили в пустую темную камеру: «Я в этой камере ничего сразу не видела, кроме писка крыс. Мне было так страшно, что я не находила себе места» [2]. Девушка всю ночь не спала, пугая крыс стуком ног по полу. Появление утром в камере связной Анны – Валентины Кульбеевой, сначала усугубило негативное психологическое состояние, так как та считала Анну предательницей. Правда, девушкам быстро удалось разобраться в ситуации. После очередного допроса потерявшая сознание Анна очнулась на цементном полу уже в другой камере, полной людьми. Большинство заключенных были погружены в себя: «Я увидела много лежавших и сидевших людей разных возрастов и полов. Все они были страшные, незнакомые с серьезными лицами и каждый думал о себе. И никто не обращал на меня никакого внимания. У меня с носа текла кровь, болела сильна голова, мне хотелось плакать» [2].

Однако были те, кто не терял присутствия духа и поддержал Анну – молодой парень Владимир (или Василий?) с Марковщины и женщина из Старого Села, с которой были две внучки – лет 8–10 и 12–14. «Он (*Владимир – А.Д.*) первый подошел ко мне, когда я сидела на параше и на взрыд плакала. Он меня взял за руку и сказал “идем девочка не бойся, здесь все одинаковые и умирать все будем вместе. Около меня есть еще место”. И он меня потащил к себе, где я легла с ним и этой женщиной со Старого Села. Они меня очень хорошо приютили. – Эта женщина даже накрыла меня своим ватным одеялом» [2]. Придавал Анне сил пример женщины (как выяснилось позднее, это была В.З. Хоружая), лежавшей уже в почти бессознательном состоянии после побоев на допросах. Анна испытывала к этой женщине сострадание и в то же время восхищалась ее стойкостью.

Камера была маленькая, с покатым потолком и двумя рядами нар по бокам, парашей в углу, полутемная и очень сырая. В ней стояло зловоние. Два раза в день заключенных кормили баландой из гнилой капусты, которую разливали в ржавые консервные банки из-под тушенки. На день выдавался кусочек опилочного хлеба размером со спичечный коробок. Иногда утром или вечером давали чай «как помет» [2].

Шок прибытия был усугублен вывозом людей на расстрел на рассвете 4 декабря 1942 г., на трети сутки пребывания Анны в тюрьме. Когда заключенных выводили из камеры, перед глазами девушки пронеслась вся жизнь: «Я стояла как окаменевшая и ждала свою фамилию. Я в это время вспомнила все свое детство, мать, которую я совсем не знала, школу, учителей и своего единственного любимого отца, которого мне так хотелось поцеловать в последний раз. А также братьев, сестру и даже мачиху. И я не заметила как всех вызвали и что я осталась одна» [2]. Девушка подбежала к двери, стала стучать кулаками и умолять забрать и ее. Она была избита и оставлена в камере. Увидев на стенах надписи, Анна попыталась оставить и свое имя, но под рукой ничего не было, а нацарапать ногтем не удалось. Страх угнетал девушку. Она укуталась в одеяло, оставленное соседкой, и долго плакала, пока не уснула. Когда гитлеровцы заставили Анну с её новым соседом сортировать одежду расстрелянных, девушка потеряла сознание. Потом ей «... чудились голоса этих людей, особенно моих соседей. Я не могла накрываться этим одеялом. Оно всегда лежало в стороне. Мне казалось что и одеяло это тоже мертвое» [2]. Красный цвет одеяла в дальнейшем стал ассоциироваться у А.С. Киташевой с пережитыми событиями.

Фаза первоначального шока после нескольких дней пребывания в тюрьме СД сменилась безразличием и апатией. Допросы с пытками и издевательствами продолжались. Анна ни в чем не сознавалась, свыклась с мыслью о смерти. С соседом по камере они почти не разговаривали, каждый был погружен в себя. Когда их посадили в машину и куда-то повезли, Анна думала, что везут на расстрел. Поскольку дорога оказалась продолжительной, подпольщица стала меч-

тать о спасении, хотя ее не покидали и мысли о смерти: «Я все смотрела если какая-нибудь щель, где мы едим и куда, если бы знали наши партизаны и напали на эту машину и бы вернулись живыми. Обо всем мечтала, но больше думала о смерти» [2].

Узников привезли в концлагерь «Гранки». Попадание в лагерь после тюрьмы вызвало у Анны надежду на побег. Правда, вскоре от этих мыслей пришлось отказаться. В лагере подпольщица провела три месяца. Она отмечала, здесь была лучшая моральная атмосфера, чем в тюрьме, так как женщины в бараке были хорошие, близкие по духу. Они много общались, плакали, иногда даже пели. Это давало возможность хоть на какое-то время отвлечься от ужасной реальности. «Но одновременно и ждали смерть. Домой вернуться никто не мечтал. Мечтали только о побеге, о спасении партизанами и освобождении нашими войсками. А так оттуда никто не мечтал, что отпустят» [2].

Одним из главных испытаний в лагере стал изнурительный труд. Изможденные люди работали на торфоразработках, женщины вынуждены были таскать высокие и тяжелые корзины с торфом. Все старались работать, так как в противном случае заключенных избивали палками охранники. Иногда они более мягко относились к женщинам, но все зависело от конкретного конвоира. Почти ежедневно происходили расстрелы. В случае побега расстреливали каждого пятого заключенного, расстреливали и за непослушание, а также слабых и обессиленных. Больших масштабов достигла заболеваемость сыпным и брюшным тифом [2].

Заключенные постоянно терпели голод и унижения. Однажды женщин под конвоем повели в ближайшую деревню попросить продуктов. У Анны мелькнула мысль о побеге, но она вспомнила, что тогда расстреляют других узников. Сердобольные люди давали картофель и овощи, иногда кусочек хлеба. Анна Степановна рассказала о своих ощущениях: «Я стояла и смотрела, просить я стеснялась, хотя и есть хотела, кажется воз съел» [2]. Когда старушка дала Анне немного еды, у той невольно покатались слезы, и это вызвало смех конвоиров. «Мне была такая обида и зло на этих проклятых фашистов, я со злостью глянула в их сторону и отвернулась. Ко мне подошел один эсовец (*так в тексте – А.Д.*) и повернул мою голову к ним. Я хотела плюнуть ему в глаза, но сдержалась. и опять отвернулась от них, другой подошел и хлестнул меня по голове и плечах плеткой. Я повернулась и стояла и смотрела на их смех, картошка моя посыпалась и я боялась согнуться ее подобрать» [2].

Немцы забрали собранные продукты на кухню. Анне удалось спрятать кусочек хлеба и картофелины, которые в деревне тайком от немцев положила ей в карманы девочка. Из консервной банки женщины смастерили терку, стерли шелуху и картофель, а также хлеб, сделали лепешки и спекли на стенке чугунной печки в бараке. Эти лепешки стали для узниц счастьем: «Мы по лепешке поделили каждому и казалось, что мы наелись на всю жизнь». Вскоре Анна смогла накормить своих подруг еще и рыбой, которая стала для них «большим праздником» [2].

Фаза освобождения для заключенного концлагеря психологически не менее сложна, чем предыдущие [см.: 5, с. 120–126]. Непростой она оказалась и для А.С. Киташевой. Неожиданное освобождение из лагеря не принесло радости. В конце апреля или начале мая Анну Степановну вызвали с вещами. Женщины прощались с ней со слезами, все были уверены, что Анну отправляют на расстрел. Однако девушку привезли в СД, еще раз спросили про партизан, дали подписать протокол допроса и отпустили. Освобождение можно объяснить следующими факторами: во-первых, Анна Степановна мужественно выдержала все допросы, проявив «упрямство духа» (В. Франкл); во-вторых, доносчица призналась, что оговорила соседку, а оккупационные власти в данном случае попытались создать видимость правосудия. Кроме того, выйдя на волю, Анна, все еще не верившая в реальность происходящего, заметила за собой слезку [2].

Таким образом, воспоминания А.С. Киташевой являются ценным источником не только фактических сведений об истории подпольной борьбы и биографии мемуаристки. Обращение к воспоминаниям позволяет увидеть ряд типичных реалий нацистского оккупационного режима сквозь призму индивидуального опыта молодой участницы Сопротивления, ставшей узницей, реконструировать различные аспекты повседневной жизни людей в условиях оккупации. Язык, стиль и характер изложения свидетельствуют, что текст писался на одном дыхании, автор при этом как бы заново переживала ощущения и эмоции четвертьвековой давности. Конечно, некоторые детали, в частности, имена людей, встреченных в застенках, уже успели подзабыться. Но

сильный отпечаток в памяти Анны Степановны оставили сами пережитые события и вызванные ими психологические реакции, которые переданы в источнике с высокой степенью достоверности.

1. Киташева, А. С. Из моих воспоминаний. 20.02.1967. Рукопись на 20 л. / А. С. Киташева // Личный архив Н. И. Дорофеевко.
2. Киташева, А. С. Мои воспоминания [о пребывании] в фашистских застенках «СД» и концлагере «Гранки». 1942–1943 гг. 04.01.1967. Рукопись на 30 л. Копия / А. С. Киташева // Личный архив автора.
3. Пахомов, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеевко, Н. В. Дорофеевко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1974. – 223 с.
4. Трудная жизнь и борьба Анны Киташевой / записал А. Подлипский // Народные слова. – 1994. – 31 мая. – С. 1, 3.
5. Франкл, В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. – М. : Смысл, 2004. – 173 с.

Гребень Е.А.
МАТЕРИАЛЫ ВИТЕБСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ
КАК ИСТОЧНИК О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В Государственном архиве Витебской области содержится значительный объем документов периода нацистской оккупации Беларуси, среди которых несомненный интерес представляют материалы Витебской городской управы. Делопроизводственные документы, в частности, личные дела предпринимателей являются важным источником по изучению предпринимательской деятельности, которая в условиях нацистского оккупационного режима стала одной из стратегий выживания гражданского населения. Попытаемся проиллюстрировать её на примере работы предприятий общественного питания, торговли и бытового обслуживания г. Витебска.

В условиях нехватки продуктов питания и товаров народного потребления в оккупированном Витебске стали открываться частные предприятия, связанные с удовлетворением повседневных нужд граждан: предприятия общественного питания, комиссионные магазины, парикмахерские, сапожные мастерские и т.д.

В Витебске работало не менее 6 чел. кондитеров-китайцев. Некоторые из них носили китайские имена, другие – христианские имена и китайские фамилии (очевидно, второе поколение иммигрантов). Представители старшего поколения приехали в Витебск из Петрограда. Торговцы реализовывали на Смоленском и Полоцком рынках конфеты-леденцы (петушки) [1]. Согласно акту налогового инспектора от 29.04.1943 г., кондитер осуществлял две варки конфет в неделю. Производство набирало обороты, и, по акту от 7.09.1943 г., кондитер осуществлял 8–10 варок в месяц, расходуя 40 стаканов сахара в месяц, 1 флакон уксусной эссенции, 3 л керосина, белой оберточной бумаги, 25 гр фруктового красителя, итого – 4150 руб. производственных расходов [1, д. 1189, л. 1–9]. Китайские кондитеры уклонялись от оплаты патента и рыночного сбора, игнорировали порядок учета товарооборота [1, д. 1188, л. 8].

Производством и продажей продуктов питания занимались и коренные жители города. 28.07.1942 г. инспектор финансового отдела Витебской городской управы выявил не санкционированное производство и продажу на Смоленском рынке печенья «Безе». Предпринимательница была уведомлена о необходимости получения патента. [2, л. 1–4]. Гражданка, изготавливавшая мороженое, за период с 25.06 по 16.07.1942 г. израсходовала сахара на сумму 1000 руб., молока – 580 руб., ягод – 100 руб., яиц – 1640 руб., ванилина – 100 руб., соли – 920 руб., керосина – 100 руб., льда – 120 руб. На приобретение банок ею было затрачено 50 руб., столько же стоил патент. Чистый доход составил 379 руб. [2, д. 155, л. 3–4].

Иногда предпринимательством занимались женщины-домохозяйки, чьи мужья работали в оккупационных и коллаборационных структурах. Такие семьи, на фоне большинства горожан, были обеспечены намного лучше (учитывая тот факт, что женщины занимались только домашним хозяйством), но и них альтернативный источник дохода был актуален. В июне 1943 г. Гражданка (муж служил в полиции) уплатила 100 руб. за патент на изготовление и продажу на базаре картофельных пирожков. Согласно акту проверки реализации товара от 31.08.1943 г., изготавливалось 15 пирожков стоимостью 10 руб. за штуку [2, д. 87, л. 1–4]. Другая гражданка до войны работала в Доме младенца санитаркой, в период оккупации являлась домохозяйкой, муж служил в немецкой организации. Согласно акту проверки реализации товара от 30.08.1943 г., выпеченные утром 40 картофельных пирожков были полностью реализованы к 14.35 по цене